

Им хотелось поскорее уйти отсюда, но никто из троих не знал верной дороги.

Тяжёлые, свинцовые тучи сгущались над головами, а вокруг, шелестя по листьям, накрапывал дождь. Звук его был тихим, но в гнетущей лесной тишине казался неестественно звонким, почти металлическим.

Они шли молча, уставившись под ноги, вязнувшие в размокшей земле. В сгущающихся сумерках Лу Цинцзю пришлось зажечь фонарик телефона – бледный луч дрожал впереди, выхватывая из тьмы корни да стволы. Он спросил приглушённо, почти шёпотом: «Инь Сюнь, ты узнаёшь эти места?»

Инь Сюнь лишь покачал головой. Он шёл впереди, и Лу Цинцзю не видел его лица, но в голосе чувствовалось отвратительное, вымотанное настроение: «Я здесь никогда не был...»

С наступлением темноты знакомый лесной склон преображался, становился чужим и враждебным. Воздух стал гуще, влажнее, и каждый шорох за спиной заставлял оборачиваться.

Лу Цинцзю размышлял, что делать дальше, как вдруг заметил луч света, пробивающийся сквозь густую, почти чёрную листву. Он мигнул один раз, коротко и призывно, словно подзывая.

«Смотрите, там свет!» — радостно, с облегчением воскликнула Чжу Мяомяо.

«Стой, не спеши, — Инь Сюнь резко схватил её за рукав, — старики говорили: если заблудился в лесу и видишь свет – не беги к нему. Это может быть ловушка...»

Чжу Мяомяо испуганно сжалась. Её голос задрожал, став тонким и беззащитным: «Цинцзю, у тебя дома всегда так... страшно?»

Лу Цинцзю ответил беспомощно, с горькой усмешкой: «Со мной такое впервые...»

Пока они говорили, свет приближался, раскачиваясь в такт невидимым шагам. В его тусклом, размытом сиянии едва угадывался чей-то силуэт. Лу Цинцзю крикнул, стараясь, чтобы голос не дрогнул: «Кто здесь?!»

«Я», — отозвался низкий, знакомый голос Бай Юэху.

«Юэху? Это ты?» — Услышав его, Лу Цинцзю выдохнул с таким облегчением, что ноги на миг подкосились. Он знал, что Бай Юэху – не обычный человек; раз он нашёл их, значит, сможет и вывести.

Бай Юэху не ответил. Он пробрался через густой лес и встал перед ними. Без зонта он изрядно промок, и его высокая фигура за пеленой дождя казалась размытой. Он просто махнул рукой, приглашая следовать за собой.

Лу Цинцзю взял Чжу Мяомяо за холодную руку и двинулся к Бай Юэху. Под ногами хлюпали лужицы, разбрызгивая ледяную воду.

«Пошли». Когда они подошли, Бай Юэху развернулся и зашагал вперёд твёрдой, уверенной походкой.

«Как ты нас нашёл?» — тихо, почти шёпотом спросил Лу Цинцзю.

Бай Юэху ответил без эмоций, констатируя факт: «Я проголодался».

Лу Цинцзю: «...»

Бай Юэху обернулся и посмотрел на него взглядом, в котором читался немой укор: «Я поел днём, но ужин так и не приготовили».

Лу Цинцзю мысленно похвалил себя за забывчивость - иначе им пришлось бы ночевать в лесу...

Ведомые Бай Юэху, они постепенно выбрались из незнакомого леса на знакомую, утопанную тропу. Инь Сюнь глубоко вздохнул, и в его голосе прозвучала усталая горечь: «Второй раз в жизни так безнадежно теряюсь».

Лу Цинцзю спросил: «А когда был первый?»

«Давно, — ответил Инь Сюнь, смотря куда-то в сторону, — поднялся с другом на гору рыбачить и заблудился...»

В его словах чувствовалась какая-то странность, но Лу Цинцзю не стал уточнять.

Минут через двадцать вдали, сквозь пелену дождя, показались тусклые огни деревни. Дождь лишь усилился, они промокли до нитки. Даже Бай Юэху не было исключением - его одежда тяжело облегла фигуру.

Наконец, дома, Лу Цинцзю отправил Чжу Мяомяо первой в душ - согреться и переодеться.

Чжу Мяомяо лишь молча кивнула, взяла чистую одежду и закрылась в ванной. Она казалась глубоко потрясённой, ведь всю дорогу не проронила ни слова.

Лу Цинцзю и Инь Сюнь вытерлись полотенцами. Инь Сюнь сказал, что выжат как лимон и пойдёт спать. Лу Цинцзю дал ему зонт и проводил до двери.

В комнате остались только Лу Цинцзю и Бай Юэху. Тот сидел на табуретке, прикрыв глаза, с обычной полусонной ленью. Лу Цинцзю хотел было что-то спросить, но передумал – некоторые вещи лучше не знать. Они молчали, пока из ванной не стих звук воды и не наступила тишина.

Но Чжу Мяомяо не выходила.

«Странно, — Лу Цинцзю окликнул её, — Мяомяо? Ты закончила?»

Из ванной не было ни звука. Тишина стала густой, зловещей.

«Мяомяо?! — у Лу Цинцзю похолодело внутри и защемило сердце. Он вскочил и подбежал к двери, стуча кулаком: Мяомяо! Ты там? Отзовись!»

Тишина в ответ была оглушительной.

Чуя неладное, Лу Цинцзю с силой толкнул дверь. Старый и ржавый замок с треском поддался. Распахнув дверь, он замер в шоке: Чжу Мяомяо, которая должна была быть здесь, исчезла. Перед ним была пустая ванная и пол, залитый водой.

«Мяомяо!! — Лу Цинцзю в панике бросился обратно в комнату, — Юэху, беда! Мяомяо пропала!»

Бай Юэху медленно поднял голову. Его глаза были ясными, без намёка на сон. Голос прозвучал ровно, без тени волнения: «Пропала?»

«Да, пропала! — на лбу у Лу Цинцзю выступил холодный пот, — Она была в душе, а теперь её нет!»

Бай Юэху поднялся и неспешной походкой направился к ванной. На пороге он вдруг замер, внимательно глядя на пол.

«Что такое?» — прошептал Лу Цинцзю, сердце его бешено колотилось.

«Вода, — Бай Юэху указал пальцем на пол, — раньше её здесь не было».

Лу Цинцзю посмотрел вниз и едва не задохнулся. На мокром кафеле, помимо одной большой лужи, появились ещё две. Лужицы были странной, вытянутой формы – словно кто-то отчаянно цеплялся пальцами за пол, но его всё равно утащили. Следы борьбы.

«Мяомяо!! — теперь Лу Цинцзю испугался по-настоящему, — Юэху, что за монстр её утащил? Куда?»

Бай Юэху выглядел совершенно спокойным. Он спросил, как о чём-то обыденном: «Ты знаешь её гороскоп из восьми знаков?»

[Данные о рождении человека для астрологических целей, объединенные по году, месяцу, дню, часу, небесному стволу и земной ветви.]

Лу Цинцзю, с трудом соображая от ужаса, выдавил: «Я... я знаю только дату по новому календарю, не по лунному».

Бай Юэху кивнул, как будто это и ожидал. «А каков иероглиф „Мяо“ в её имени?»

«Тот, что из трёх иероглифов «вода», — автоматически ответил Лу Цинцзю, — это... это что-то меняет?»

[Иероглиф «Мяо» (𠂇) состоит из трёх иероглифов «вода» (氵). Таким образом, имя «Мяомяо» содержит шесть иероглифов вода.]

«Тогда всё ясно, — Бай Юэху вышел во двор. Дождь хлестал с новой силой, цыплята попрятались, воцарилась зловещая, гнетущая тишина. Он продолжил, его голос терялся в шуме ливня: — Имя - это очень важно. В имени столько воды, неудивительно, что она так понравилась этой твари».

Лу Цинцзю, чувствуя, как темнеет в глазах, схватил Бай Юэху за рукав: «Что же делать?! Как её найти?»

Бай Юэху склонил голову, разглядывая скопившуюся во дворе воду, которая уже превращалась в большое тёмное зеркало. Помолчав, он вдруг сказал: «Завтра я хочу тушёной говядины».

Лу Цинцзю едва не поперхнулся. Он ожидал чего угодно - сложного ритуала, опасной погони, - но только не этого. Пришлось уговаривать, как капризного ребёнка: «Хорошо, хорошо, сделаю. Куплю целых десять цзинь (5 кг)! Клянусь!»

Лишь тогда довольный Бай Юэху кивнул. Он наклонился и опустил руку в одну из луж у порога. Лужа казалась мелкой, но его рука погружалась всё глубже и глубже, будто в бездонный колодец. Когда вода дошла до локтя, он резко, с силой дёрнул.

Лу Цинцзю, затаив дыхание, увидел, как брови Бай Юэху слегка сдвинулись. Мышцы его руки напряглись, будто он за что-то ухватился там, в глубине.

И из лужи, вместе с хлюпающим, отвратительным звуком, донёлся тонкий, детский плач. Резким движением Бай Юэху выдернул из лужи нечто неопишное. С первого взгляда оно напоминало обезьяну, но с человеческим, искажённым гримасой лицом и слипшейся чёрной шерстью. Вся его сущность словно расплывалась, колебалась, как небрежный акварельный рисунок на мокрой бумаге.

«Где она?» — Бай Юэху сжал запястье твари. Его голос был тихим, но в нём звучала сталь.

Та завывала, визгливо и противно, но не отвечала. Лишь когда Бай Юэху обернулся к ней и чуть приоткрыл рот, обнажив в темноте слишком белые и острые зубы, сопротивление мгновенно прекратилось. Тело твари, будто лёд на солнцепёке, начало таять и оплывать. С него стекала вода, которая, ударяясь о землю, не растекалась, а собиралась, клубилась, постепенно принимая человеческую форму. Лу Цинцзю узнал её — это была Чжу Мяомяо!

Контур медленнo сгущались, вода уплотнялась, обретала плоть и цвет. Её глаза были плотно закрыты, она находилась в глубоком обмороке, не сознавая произошедшего.

Когда тварь вернула добычу, Бай Юэху швырнул её на землю. При соприкосновении с землёй она мгновенно растаяла, растекалась и исчезла, превратившись в обычную, ничем не примечательную лужу.

Лу Цинцзю поспешно поблагодарил Бай Юэху, подхватил холодное и влажное тело Чжу Мяомяо на руки и отнёс в дом, укрывая своим телом от дождя.

Бай Юэху остался стоять во дворе под струями ливня. Устроив Чжу Мяомяо на кровати, Лу Цинцзю заметил, что тот не идёт: «Юэху, чего ждёшь? Иди домой, простудишься».

«Думаю», — сказал Бай Юэху, не двигаясь с места.

«О чём?» — спросил Лу Цинцзю, уже догадываясь.

Бай Юэху печально, с искренней обидой посмотрел на Лу Цинцзю сквозь завесу дождя: «Я всё ещё не ужинал».

Лу Цинцзю: «...» Он уже знал, что последует дальше.

И следующая фраза Бай Юэху была произнесена с лёгким, задумчивым интересом: «Может, всё-таки съесть ту тварь, чтобы утолить голод?»

Лу Цинцзю заметил, как после этих слов большая лужа во дворе, оставшаяся от существа, слегка, едва заметно вздрогнула.

«Не надо, не ешь её, — поспешил сказать Лу Цинцзю, — ты же сам говорил, что они невкусные? Потерпи немного, я приготовлю тебе лапшу».

Бай Юэху удовлетворённо кивнул, будто только этого и ждал, и неспешно направился в дом, оставляя за собой мокрые следы.

Лу Цинцзю вздохнул с облегчением – похоже, лисий дух передумал расправляться с неведомой тварью.

Автору есть что добавить:

Лу Цинцзю: «Не ешь эту дрянь, я угощу тебя своей лапшой».

Бай Юэху: «Правда?»

Лу Цинцзю: «Правда... Стой, зачем ты меня раздеваешь?!»

[Игра слов: «лапша» (面条, miàntiáo) на сленге может означать и нечто иное. Понятно в каком направлении (° 3 °)]

<http://bllate.org/book/15722/1422206>